

Какие существуют сценарии решения проблемы оккупированного Донбасса

Шесть лет бесплодных, по большому счету, переговоров, прошедших после Минска-2, наглядно демонстрируют, что реализация Минских договоренностей без частичной потери Украиной суверенитета и территориальной целостности маловероятна.

Кажется, уже всему украинскому политикуму наконец стало понятно, что Кремль не отдаст контроль над восточным участком украинско-российской границы до проведения выборов в ОРДЛО и существенных уступок со стороны Киева в вопросе будущего статуса оккупированных территорий.

Опыт постсоветского пространства свидетельствует о том, что переговорные процессы по урегулированию конфликтов, в которые прямо или опосредованно вовлечена Россия (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах), могут длиться без реальных результатов 20–25 лет. При этом даже согласование формулы мирного соглашения на политико-дипломатическом уровне не гарантирует ее подписания сторонами конфликта.

Вспомним отставку в 1998 году президента Армении Левона Тер-Петросяна под давлением «карабахского клана», лидеры которого выступили категорически против плана, разработанного Минской группой ОБСЕ по Нагорному Карабаху (США, Франция, РФ), отказ в 2003 году президента Молдовы Владимира Воронина в последний момент от подписания «Меморандума Козака», согласно которому Приднестровье и Гагаузия получали статус автономий, а также право блокировать на общенациональном уровне нежелательные для них законы и международные договоры.

Обратим внимание на то, что Соединенные Штаты присутствуют как в Минской группе ОБСЕ, так и в формате «5+2» по приднестровскому конфликту. Впрочем, это не содействовало более уступчивой позиции Кремля и, соответственно, не привело к принципиально иному ходу упомянутых переговорных процессов, как на это надеется часть украинского политикума, когда рассчитывает на более активное вовлечение США в переговоры по Донбассу.

Следовательно, украинское общество должно быть готово к тому, что переговорный процесс по конфликту при участии РФ на Востоке нашего государства будет продолжаться без существенных сдвигов десятилетиями. Есть все признаки того, что как международные акторы, так и отдельные внутренние игроки будут склонять украинскую власть к так называемой мягкой реинтеграции оккупированной части Донбасса по «приднестровскому сценарию», который предполагает постепенное восстановление межчеловеческих контактов и торгово-экономических связей, совместное преодоление последствий техногенных аварий и природных бедствий и т.п. (так называемая тактика малых шагов). При этом решение ключевого вопроса — возврата этих территорий под суверенитет украинского государства — будет постоянно

откладываться.

Для западных партнеров такой сценарий является гарантией как минимум невозобновления активной фазы боевых действий на восточных окраинах Европы, для России — возможностью постепенного выхода из-под санкций, для части внутреннего политикума — полем для политического пиара на теме миротворчества, для олигархических групп и криминальных группировок — возможностью создания новых «серых» (в частности, по табачным изделиям и алкоголю, нефтепродуктам) и «черных» (оружию, наркотическим веществам, украденным автомобилям и т.д.) схем.

При этом даже если через 15–20 лет переговорный процесс по Донбассу достигнет успеха и будет подписано мирное соглашение о возврате ОРДЛО под полный контроль украинского государства, перед Киевом встанет ряд новых вызовов экономического, общественно-политического и ментального характера.

Во-первых, за это время окончательно деградирует базовый для экономики Донбасса, но уже давно физически и морально устаревший угольно-металлургический комплекс. Ведь Россия не заинтересована его поддерживать, а тем более вкладывать деньги в модернизацию, учитывая конкуренцию этого комплекса с российскими производителями. Уже сейчас эксперты оценивают объем средств, необходимых для экономического восстановления Донбасса, в пределах 10–20 млрд долл. США. Понятно, что через 20–25 лет эта цифра увеличится в разы. Вместе с тем в случае восстановления контроля над оккупированными территориями государству придется выплатить жителям ОРДЛО пенсионную задолженность, которая уже превышает 100 млрд грн и ежегодно растет на 16–17 млрд (для сравнения, в 2018 году на закупки и модернизацию оружия и военной техники для ВСУ в бюджете было выделено 16,4 млрд грн).

Во-вторых, на протяжении 2014–2019 годов в украинском обществе сформировалось относительно устойчивое большинство приверженцев вступления страны в ЕС и НАТО — перспективы европейской и евроатлантической интеграции поддерживают приблизительно 50–60% и 40–50% граждан соответственно, в то время как против выступают 20–30 и 30–40%. Приведенные цифры фактически отображают общее распределение населения страны по линии водораздела проукраинских и пророссийских политических сил. Но нельзя не принимать во внимание постепенное восстановление позиций пятой колонны, что обусловлено ее «миротворческой» риторикой и усилиями по отбеливанию образа России наподобие заявлений о готовности передать производство российской вакцины от COVID-19 на украинские предприятия или же освободить в одностороннем порядке из заключения украинских пленных. Следует ожидать, что восстановление контроля Украины над оккупированными территориями Донбасса существенно откорректирует электоральную картину не в пользу проукраинского лагеря.

В-третьих, за эти годы на оккупированной части Донбасса вырастет новое поколение, которое будет учиться с детсада до вуза по новым учебникам истории, где Украина и все украинское будет главным врагом. Новую систему ценностей на этом пространстве будет формировать мощная геббельсовская пропагандистская машина с

многочисленными прохановыми и соловьевыми, симоньян и киселевыми. Отдельную угрозу на перспективу представляет выдача жителям оккупированных территорий российских паспортов: количество владельцев таких документов по состоянию на конец 2020 года оценивалось в 200 тысяч человек. Ребятам из ОРДЛО с такими паспортами уже начали призывать в российскую армию. Понятно, что дальнейшая судьба этих молодых людей вряд ли будет связана с развитием нашего государства, в то же время в случае возобновления боевых действий на Востоке они будут вынуждены взять в руки оружие против украинской армии.

Можем предполагать, что именно такой сценарий был определен в Кремле как «план Б» на случай провала «плана А» — отделения юго-востока Украины от Харькова до Одессы в формате единого квазигосударственного образования («Новороссия») или же пояса отдельных «народных республик».

Следовательно, неуклонно приближается тот момент, когда украинское общество спросит у власти: «А есть ли у Украины «план Б»?».

Сценариев, альтернативных дальнейшему ведению затяжного и малоперспективного переговорного процесса, по большому счету, три: 1) силовое решение, 2) откладывание проблемы на неопределенную перспективу и 3) отказ от оккупированных территорий Донбасса.

Силовое решение. У Украины нет и в обозримой перспективе вряд ли появятся достаточные военные, экономические и дипломатические ресурсы для силового восстановления контроля над оккупированными территориями наподобие «хорватского сценария» решения проблемы Сербской Краины в 1995 году. Ведь соотношение базовых показателей между Украиной и Российской Федерацией составляет от 1/5 (численность вооруженных сил, военный бюджет) до 1/10 (общий ВВП), тогда как в Хорватии и Сербии по состоянию на 1995 год они были соизмеримыми. К тому времени Сербия находилась под давлением жестких международных санкций. По экспертным оценкам, прямые потери сербской экономики с 1992-го по 1995 год составили около 45 млрд долл. при тогдашнем среднегодовом объеме ВВП страны в 22–27 млрд долл. В то время как начиная с 2014 года экономика РФ потеряла из-за санкций 50–100 млрд долл. при среднегодовом объеме ВВП в 1,3–1,6 трлн. И, главное, накануне проведения хорватской армией военной операции Соединенные Штаты получили от президента Сербии гарантии невмешательства в ситуацию.

Что же касается событий вокруг Нагорного Карабаха осенью 2020 года, то после, казалось бы, успешной операции азербайджанской армии, позволившей Баку решить ряд тактических задач, стратегическая инициатива в этом регионе полностью перешла в руки Москвы, разместившей здесь свой «миротворческий» контингент с фактически неограниченным сроком пребывания. Кроме того, именно Россия теперь уже позиционируется на международной арене как главный миротворец в армяно-азербайджанском конфликте, а роль США и Франции отходит на второй план.

Откладывание проблемы на неопределенную перспективу. Подобный алгоритм

рассматривался группой аналитиков Национального института стратегических исследований под руководством Владимира Горбулина под условным названием «немецкий сценарий» (по аналогии с отложенным воссоединением ФРГ и ГДР). Но ключевым отличием является то, что и западные, и восточные немцы, будучи идеологически разделенными между двумя лагерями, все эти 40 лет сохраняли свою немецкую идентичность. Будут ли жители ОРДЛО через полтора-два десятка лет самоидентифицироваться как украинцы? Существуют очень большие сомнения. Кроме того, в 2018 году ВВП на душу населения в России составлял 11,3 тыс. долл., в то время как в Украине — 3,1 тыс. (данные Всемирного банка). Сможет ли Украина в ближайшие 10–15 лет демонстрировать «китайские» темпы ежегодного роста ВВП, чтобы догнать РФ и стать экономически привлекательной для жителей оккупированных территорий? Тоже большой вопрос. Едва ли не единственный плюс такого сценария — дожидаться прихода к власти в России в какой-то перспективе демократических сил. Но, как говорил Владимир Винниченко, российский демократ заканчивается там, где начинается украинский вопрос.

Отказ от оккупированных территорий Донбасса. Такой вариант действий под условным названием «сценарий отсечения» тоже в свое время рассматривался аналитиками НИСИ, но не озвучивается украинскими политиками из-за своей негативной электоральной популярности и практически не обсуждается в экспертных кругах. Понятно, он крайне болезненный для украинского общества, но самый реалистичный и прагматичный, поскольку навсегда ставит точку в дискуссии о цивилизационном выборе Украины, позволяет направить ресурсы на развитие новой высокотехнологической экономики, а не на реанимацию устаревшего угольно-металлургического комплекса Донбасса.

Такой сценарий, на мой взгляд, должен включать: полное перенесение, согласно международному праву, ответственности за содержание населения оккупированных территорий на страну-агрессора — Российскую Федерацию, включая пенсионное и социальное обеспечение; минимизацию межчеловеческих контактов — пропуск через линию разграничения только ограниченных категорий лиц, в частности, людей, желающих навсегда переселиться на контролируемую территорию, студентов для обучения в украинских вузах, лиц, имеющих долгосрочные контракты на трудоустройство в Украине. А после завершения процесса обмена пленными — выход из «минских договоренностей» как не отвечающих национальным интересам Украины.

По этому сценарию, Украина может согласиться на введение миротворческой миссии на линию разграничения с оккупированной частью Донбасса, что будет гарантировать устойчивое прекращение огня и реально минимизирует потери среди украинских военных. Высвобожденные при этом финансовые ресурсы должны быть направлены на ускорение модернизации Вооруженных сил Украины, оснащение армии новейшими образцами оружия и военной техники, поддержку украинского ВПК.

Считаю, что пришло время для серьезного обсуждения на уровне политиков и экспертов и такого сценария. Ведь речь идет о том, в какой Украине будут жить наши дети: оставим ли мы им по наследству проблему многолетнего неурегулированного

конфликта со всеми последствиями наподобие статуса самой бедной страны Европы, которую разрывают постоянные политические распри, или это будет европейская страна с современной экономической моделью и консолидированным гражданским обществом.

Валерий Коломиец,

эксперт, бывший заведующим отделом Турции и Южного Кавказа МИД Украины, экс-советник посольства Украины в Молдове. ZN.ua